

Владимир П. Козлов (Москва, СССР)

КОНСТАНТИН ФЕДОРОВИЧ КАЛАЙДОВИЧ И ЕГО ТРУДЫ ПО СЛАВЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ, ИСТОРИИ И ПИСЬМЕННОСТИ

Среди представителей русской исторической науки первой трети XIX в. имя К. Ф. Калайдовича занимает особое место. Человек, проживший всего сорок лет, он оставил после себя значительное научное наследие, посвященное широкому кругу специальных исторических проблем, вопросам языка, письменности, литературы и истории России и других славянских стран. И сейчас его творчество разнообразием затронутых проблем, глубиной их решения и влиянием на последующее развитие славистики не может не вызывать восхищения и заслуживает того, чтобы о жизни и деятельности этого ученого вспомнить еще раз с привлечением новых архивных материалов.

К. Ф. Калайдович родился 19 (7) мая 1792 года в Киеве в семье врача, обедневшего дворянина Федора Дмитриевича Калайдовича. Отец будущего историка был человеком образованным, сумевший привить своим детям интерес к наукам. Из многочисленной семьи Калайдовичей вышли видные деятели русской культуры¹. После окончания Елецкого народного училища Константин становится учеником Киевской духовной академии. В 1797 году семья пересезжает в Москву и Константин Калайдович, продолжив свое образование в университетской гимназии, в 1807 году поступает в Московский университет. Здесь он слушает лекции „умозрительной философии“, технологии, истории гражданских и уголовных законов, русского слога и истории, хронологии, красноречия, поэзии, антропологии, получает блестящее филологическое образование, овладевает греческим, польским, французским, латинским языками. Огромное влияние в это время на складывание его интересов оказали профессора университета Р. Ф. Тимковский, М. Т. Каче-

новский, Ф. Г. Баузе, И. Э. Фишер, близкое знакомство с Н. М. Карамзиным, большим знатоком прошлого России, директором Московского Архива Коллегии иностранных дел (МАКИД) Н. Н. Бантыш-Каменским. Постоянные беседы с ними укрепили его желания, зародившиеся в детстве. Поэтому, когда в 1810 году Калайдович с отличием окончил университет и получил звание кандидата словесных наук, для него уже не стояла проблема выбора чем заниматься дальше. И хотя в академической среде бытовало мнение, что среди русской молодежи еще нет любви к своей истории и вряд ли кто сможет посвятить себя ее изучению,² Константин твердо решил „распространить в ней свои познания“.

В начале XIX века уже стало ясно, что глубокое изучение истории России невозможно без наличия документальной базы. Об этом говорили А. Л. Шлецер, Н. М. Карамзин, М. Т. Каченовский. Задачу сбора и издания сначала летописей, а затем вообще материалов „непечатанных и в архивах хранящихся“ поставило перед собой организованное в 1804 году Общество истории и древностей российских (ОИДР).

В 1811 году Калайдович вместе с несколькими молодыми исследователями был принят в члены ОИДР. Историк становится помощником библиотекаря Общества, ему же поручают подготовку первого тома „Русских достопамятностей“ — публикации исторических источников, которую предполагалось сделать периодической. Это улучшило условия научной работы историка. Он получает разрешение на занятия в различные хранилища документов: МАКИД, Синодальную, Типо-

¹ Насонкина Л. И. Московский университет после восстания декабристов. М., 1972, с. 131.

² Так считал, например, Ф. Круг. — См.: Круг Ф. С. Сочинения Круга канцлеру графу Н. П. Румянцеву в пользу русской истории. ЖМНП, 1850, ч. CVI, с. 22—23.

графскую, монастырские и церковные библиотеки. Именно в них Калайдовичем были сделаны первые открытия ценнейших исторических памятников.

В 1812 году молодой кандидат, воодушевленный патриотическим подъемом, охватившем все слои русского общества, получив благословение Карамзина, становится подпоручиком московского ополчения. Вместе с армией Калайдович, не раз участвуя в сражениях, дошел до Орши. Здесь он находился вплоть до демобилизации в июне 1813 года. Продолжая и в это время исторические разыскания, в частности изучая археологические памятники и фольклор, Калайдович побывал в Вильно и Полоцке, познакомился с будущими членами польско-литовского общества филоматов-просветителей, со многими из которых долгие годы после этого поддерживал научные и литературные связи.

Вернувшись в Москву, Калайдович активно включается в научную жизнь. Он начинает подготовку к магистерскому экзамену, подолгу беседует об истории с Н. М. Карамзиным, А. Ф. Малиновским, Х. А. Шленером, В. Н. Каразиным, В. Л. Пушкиным, И. И. Дмитриевым, занимается в библиотеках и архивах³. 19 сентября 1813 года он делает свое первое серьезное открытие: в Синодальной библиотеке находит рукопись сочинений болгарского писателя IX—X вв. Иоанна Экзарха.

Его археографические разыскания в это время едва ли не целиком были подчинены изучению „Слова о полку Игореве“, отысканию памятников, новых фактов, которые подтверждали бы древность поэмы. Калайдович собирает среди современников сведения об обстоятельствах ее приобретения и издания А. И. Мусиным-Пушкиным, немало проявляя энергии, настойчивости и труда. В специальной работе, посвященной „Слову о полку Игореве“, историк впервые в историографии предпринял попытку исследовать язык памятника, показал его близость к языку памятников древнерусской письменности, объяснил значение ряда слов и выражений поэмы, придя к выводу, что она была создана на Украине⁴.

Итогом четырехлетней работы Калайдовича явилось издание им в 1815 г. „Русских достопамятностей“⁵. Здесь впер-

³ Калайдович К. Ф. Записки важные и мелочные. Летописи русской литературы и древностей. Т. III, кн. 5, М., 1861, с. 81, 84, 87, 106.

⁴ О Калайдовиче как исследователе „Слова о полку Игореве“ см.: [Бегунов] Ю. К. В Секторе древнерусской литературы. Русская литература, 1963, № 3, с. 231—232.

⁵ Русские достопамятности, издаваемые ОИДР. Ч. I, М., 1815.

вые были опубликованы такие памятники как послание митрополита Иоанна I, окончание Степенной книги, послание митрополита Никифора, Русская Правда по древнейшему Синодальному списку, причем принципы воспроизведения текстов памятников, особенно Русской Правды, отличались чрезвычайной тщательностью⁶. Фактически Калайдович издал почти целиком найденную им в Синодальной библиотеке рукопись XIII века, которую еще до публикации он указал Карамзину.

В начале 1815 года Калайдович предпринял археографическое обследование Владимирской губернии, но из-за резко обострившейся „умственной болезни“ вскоре был помещен в дом умалишенных, а затем по воле отца с июля 1815 г. по июль 1816 года находился в Николопешношском монастыре. Историк и здесь не терял времени зря, изучая документы по истории монастыря, на основании которых потом написал о нем книгу⁷.

Серьезным и возмужалым вернулся Калайдович в Москву. Время „тяжких душевных ран“ завершилось приобретением „цены жизни и опытности ума“⁸. „Москва все еще для меня пуста, — писал он известному библиографу В. С. Сопикову, — правда теперь важнее время, знакомых встречаю много, но именем друга никто еще не называл меня“⁹. Историк ищет место для работы и, в конце концов, становится контр-корректором Комиссии печатания государственных грамот и договоров, осуществляя тем самым свою давнюю мечту работать в МАКИД.

На организованную в 1810 году по инициативе известного мцената, государственного канцлера, графа Н. П. Румянцева Комиссию возлагалась задача издания документов дипломатического характера „сколько для пользы, столько и для славы“ России¹⁰. План издания и его первый том,

⁶ Валк С. Н. Русская Правда в изданиях и изучениях XVIII—начала XIX века. Археографический ежегодник за 1958 год. М.—Л., 1960, с. 157.

⁷ Книга, написанная Калайдовичем, вышла уже после его смерти и держала три издания. — См.: Калайдович К. Ф. Историческое и топографическое описание мужского общежительного монастыря святого чудотворца Николая, что на Пешношь. М., 1837, 1866, 1880.

⁸ Бессонов П. Константин Федорович Калайдович. Русская беседа, 1857, № 11, с. 29.

⁹ Козлов В. П. К. Ф. Калайдович и „Опыт В. С. Сопикова“. Советская библиография, 1973, № 6, с. 52.

¹⁰ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Московском ар-

содержавший древнейшие русские духовные и договорные грамоты, был разработан и подготовлен Н. Н. Бантыш-Каменским. После его смерти в 1814 году Румянцев постарался привлечь к этому начинанию квалифицированных специалистов, и МАКИД вскоре приобрел характер ведущего издательского и научного центра по изучению истории России.

Вначале обязанности историка заключались в том, чтобы сверять списки грамот, приготовленных к печати с подлинниками и „со всевозможным наблюдением и точностью“ проверять корректуру¹¹. В 1822 году, после выхода второго и третьего томов „Собрания“, Румянцев, отмечая, что труды Калайдовича „для Комиссии преполозны“, фактически ставит его во главе всей работы по изданию, назначая его главным смотрителем Комиссии. Историк провел большую работу по поиску и отбору материалов для второй — четвертой частей „Собрания“, их научному комментированию и археографическому оформлению. Так, в 1821 году им были предложены измененные правила передачи текста, которые, учитывая более поздний по сравнению с первым томом характер документов, предусматривали исключение всех сокращений и букв, вышедших из употребления, „удержание в подлинниках слов и речений неграмотными, касательно старинной грамматической оных перемены“, точное сохранение написания имен собственных, нарицательных и славянских цифр¹². Им же была разработана методика составления научно-справочного аппарата издания¹³. Деятельность Калайдовича в Комиссии во многом способствовала тому, что „Собрание государственных грамот и договоров“ не потеряло своего научного значения и сейчас.

Калайдович был вовлечен в сферу обширных начинаний Н. П. Румянцева. Вокруг Румянцева сосредоточилась группа лиц с одинаковыми взглядами на решение насущных задач исторической науки. Разыскания документов, предпринятые ими, охватывали русские (центральные и местные), заграничные архивы и привели к открытию ценнейших исторических и литературных памятников. Их изучение и издание становится основным направлением в деятельности так называемого Румянцевского кружка. Румянцев щедро финансировал начинания своих со-

хиве Коллегии иностранных дел. Ч. V. М., 1894, с. V—VII.

¹¹ Кочубинский А. Начальные годы русского славяноведения. Одесса, 1887—1888, с. 39.

¹² ГПБ, ф. 328, ед. хр. 377, лл. 7—7 об.

¹³ Кочубинский А. Начальные годы русского славяноведения, с LXXXVIII—LXXXIX.

трудников, вносил в них строгую расчетливость, а за это требовал вполне определенных результатов.

Становление Калайдовича как историка в это время было тесно связано с его интересом к фольклору и в более широком смысле к русской народности, изучение которой начинает рассматриваться как одно из звеньев патриотизма. Исследователь тщательно записывал и изучал народные песни, обычаи, щедро делился своими находками с современниками, например, известным исследователем и издателем фольклора М. Н. Макаровым¹⁴. Поэтому с энтузиазмом разыскивал он изданный в 1804 году, но затем потерянный памятник русского былевого эпоса и фольклора, известный ныне как Сборник Кирши Данилова и, в конце концов, приобрел рукопись в 1816 году у ее первого издателя А. П. Якубовича¹⁵. Уже при первом чтении Калайдович обнаружил, что в издании 1804 года вошла только часть стихотворений и предложил Румянцеву финансировать подготовку полной публикации рукописи. Издание Калайдовича вышло в 1818 году и надолго стало важнейшим первоисточником по истории русского былевого эпоса, в связи с тем, что в скором времени сама рукопись вторично была утеряна и вновь найдена только в конце XIX в.¹⁶

Калайдович увеличил количество опубликованных стихотворений: вместо 26 в первом издании он поместил 61, точно передал их расположение в сборнике, не всегда соблюдавшееся первым издателем, гораздо точнее, чем тот передал сам текст, за исключением „небольших поправок“, сгладивших звуковые черты, присущие памятнику XVIII века¹⁷.

Предисловие исследователя к этому изданию справедливо называют первой глубокой разработкой русского эпоса¹⁸. Здесь Калайдович поставил и попытался решить целый ряд вопросов: личность Кирши Данилова и его роль в создании Сборника, место и время возникновения стихотворений, их историческая основа, время составления Сборника, особенности его язы-

¹⁴ Бессонов П. Материалы для жизнеописания К. Ф. Калайдовича и особенно для изображения ученой его деятельности. Чтения ОИДР, кн. 3, М., 1862, с. 19, 21.

¹⁵ ГПБ, ф. 328, д. 18, лл. 19—19 об., 56 об.

¹⁶ Путилов Б. Н. Сборник Кирши Данилова и его место в русской фольклористике. Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым: М.-Л., 1958, с. 519.

¹⁷ Лобода М. А. Русский богатырский эпос. Киев, 1896, с. 51—52.

¹⁸ Там же, с. 154—155.

ка. Как историк он стремился отграничить вымысел от правды в текстах, находя соответствие тому, о чем в них говорится в истории Киева, Новгорода, сообщениях летописей и других источников. Наблюдения Калайдовича во многом определили выводы ученых, позже имевших в своем распоряжении гораздо больший фольклорный материал.

В 10—20 годах XIX века Калайдович, наряду со Строевым, был, пожалуй, самым целеустремленным и удачливым собирателем — практиком исторических источников. Свою деятельность в этом направлении он рассматривал как необходимую ступень разработки русской истории, дающую жизнь „глеющим памятникам“ и спасающую их от „забвения“, как средство обогащения отечественной культуры¹⁹. К 1817 году историк обследовал хранилища московских и подмосковных монастырей, завел многочисленные знакомства среди коллекционеров рукописей, торговцев, которые отыскивали для него источники в центральных районах России. При его активном содействии русские коллекционеры (Н. П. Румянцев, Ф. А. Толстой и др.), библиотеки МАКИД, ОИДР приобрели свыше 370 рукописей, около 80 старопечатных книг и массу других исторических памятников. Калайдовичу принадлежит, например, честь открытия Рашской Кормчей (в 1823 г. ему удалось снять копию с ее послесловия) и целого ряда других славянских памятников. В июне 1817 года вместе с П. М. Строевым он осмотрел библиотеки Ново-Иерусалимского, Иосифо-Волоколамского монастырей. Здесь он находит Сборник Святослава 1073 года, списки сочинений Иоанна Экзарха болгарского, Кирилла Туровского, дополнительные статьи к Судебнику 1550 г. и др. Эти открытия подготовили основу для будущих исследований и изданий Калайдовича.

Уже в 1819 году вместе со Строевым он издает Судебник 1550 года и вновь найденный Судебник 1497 года²⁰. Эта публикация имела важное значение. До этого исследователям были известны лишь выдержки из текста Судебника 1497 года у Герберштейна и упоминания о нем М. М. Щербатова и И. Н. Болтина. Значительно отличался от известных списков и изданный список Судебника 1550 года, представляющий одну из наиболее ранних его редакций²¹. В предисловии издатели

¹⁹ ГПБ, ф. 328, ед. хр. 22, лл. 6—7.

²⁰ Законы великого князя Иоанна Васильевича и Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича с дополнительными указами. М., 1819.

²¹ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XVI вв. Т. 2. М., 1951, с. 280.

ручались за „возможную точность“, так что „не только слово или предложение, но ниже сама буква не проронены против подлинников“²². Вплоть до начала XX века исследователи пользовались этой публикацией, (не раз переиздававшейся), практически не обращаясь к самим рукописям²³.

В мае 1819 года Калайдович предложил Румянцеву „Исследование с исчислением сочинений о святом Кирилле, епископе Туровском, знаменитом, но к сожалению, мало известном витии нашем, принадлежащем к XII веку“²⁴. Вскоре к предполагаемому изданию было решено присоединить ряд „сочинений словесности того же века“, найденных Калайдовичем²⁵.

„Памятники российской словесности XII века“ оказались для читателей открытием целого ряда историко-литературных и публицистических произведений XII века, создали возможность широкого изучения культурного наследия Киевской Руси. Сюда вошли сочинения Кирилла Туровского, послание Даниила Заточника, слово о Данииле Заточнике, послание митрополита Иоанна, второе послание митрополита Никифора, вопросы Кирика Нифонту и др. Публикация, особенно произведений Кирилла Туровского, интересна и с археографической стороны. Они были известны Калайдовичу по нескольким рукописям XIII—XVIII вв. библиотек Синодальной, Ф. А. Толстого, Волоколамского монастыря, а также ряду старопечатных изданий. Текст воспроизводился по древнейшим спискам с вариантами по более поздним или изданным ранее, в случае, если последние давали чтения неизвестного ученому списка. В предисловии Калайдович отмечал, что „издания славянских памятников с сохранением разнообразного и не утвержденного правописания служат только палеографическим приметам, затмевающим достоинство и красоту чтения“²⁶. Рассчитанные на широкий круг читателей, памятники XII века были напечатаны обычным шрифтом, с раскрытием титл и проставлением препинаний, в неприкосновенности оставались только цифры и написание имен.

Перед каждым произведением в публикации было помещено предисловие. Они,

²² Законы великого князя Иоанна Васильевича и Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича с дополнительными указами, с. ХХІХ.

²³ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы. т. 2, с. 280—281.

²⁴ Бессонов П. Материалы для жизнеописания К. Ф. Калайдовича, с. 156.

²⁵ Памятники российской словесности XII века, изданные с вариантами и образцами почерков. М., 1822.

²⁶ Памятники российской словесности XII века, с. IV.

как и во всех изданиях Калайдовича, далеко выходят за рамки обычных археологических выводов, представляя собой целые исследования о памятниках, их авторах, художественных достоинствах. Калайдович видит в сочинениях русских писателей XII века прежде всего явления духовной жизни общества. В его понимании, например, Кирилл Туровский — это не один из „отцов“ русской церкви, а интересная самобытная личность, в творчестве которого нашли отражение многие события русской жизни того времени.

Общая оценка творчества писателей XII века исследователем была связана с его представлениями о древнейшем периоде русской истории, высокому уровню развития русской культуры. После выхода „Памятников“ „вечный“ оппонент историка М. Т. Каченовский поставил вопрос об авторстве произведений, отнесенных Калайдовичем к наследию Кирилла Туровского, считая его или переводчиком византийских писателей, или даже их простым переписчиком²⁷. Принципиальный спор, разгоревшийся между двумя исследователями, вытекал из различия их исторических взглядов и методов исследования, неприятия Калайдовичем идей „скептицизма“, которые уже в это время начал пропагандировать Каченовский. Последний считал XII век временем, по уровню образования и культуре в России не соответствующим для появления такого писателя как Кирилл Туровский. В ответ на это Калайдович замечал, что можно найти много современников писателям, обладавших „и даром слога, и красотой ума“²⁸. Выясняя произведения, действительно принадлежавшие перу Кирилла Туровского (за шестьсот лет многие из них „потеряли“ имя своего автора и наоборот, образцы красноречия в позднейшей рукописной традиции стали приписывать ему), историк применил „правила истинной критики“, сущность которых состояла в анализе „показаний большинства списков“, композиционной связи произведений, не имевших автора с уже атрибутированными Кириллу Туровскому. Так, например, поступил Калайдович с анонимными сочинениями, входящими наряду с авторизованными в состав Синодальной Кормчей XIII века. „Один слог, то же величие и та же простота, — писал он, — . . . и непосредственная связь означенных произведений с первыми позволяют приписывать оные

нашему святителю“²⁹. Калайдович обращает внимание и на сборники, содержавшие произведения Кирилла Туровского, тщательно их описав. „Творения нашего писателя, — отмечал историк, — возвышили его достоинства в глазах современников в XV и XVII веках чувствовали красоты сии, помещая его произведения наряду с сладкозвучием Златоуста и Назиана“³⁰. Несмотря на известную гипотетичность такого метода определения авторства, нужно отметить, что и в настоящее время исследователи склонны его применять³¹.

Исследовательский подход Калайдовича к опубликованным им памятникам, нашедший свое выражение уже в том, что он пытался представить Кирилла Туровского в реальной исторической обстановке, в стремлении выявить в его сочинениях факты прошлого, было последовательно воплощено историком и по отношению к остальным сочинениям писателей XII века.

Эта книга в деятельности Калайдовича знаменовала новую ступень. Он становится у истоков зарождения древнерусского литературоведения как самостоятельной дисциплины, а в представлении современников выдвигается в число лучших знатоков прошлого России. Открытие им Кирилла Туровского рассматривается как патристический подвиг³². Его награждают орденом, Академия наук присуждает ему серебряную медаль, а петербургское Вольное общество российской словесности по рекомендации П. И. Кеппена и Ф. И. Глинки делает своим членом.

В 1821—1825 гг. Калайдович по поручению Н. П. Румянцева провел большую работу по редактированию и подготовке изданий своих коллег — членов Румянцевского кружка: И. И. Григоровича³³, П. И.

²⁹ Памятники российской словесности XII века, с. XXIII.

³⁰ Там же, с. XXVIII.

³¹ Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского. ТОДРЛ. Т. XI. М.-Л., 1955, с. 342—346.

³² См., например: Сын Отечества, 1822, № 2, с. 114. Даже Каченовский высоко оценил деятельность историка, который, по его мнению, „пользуется указаниями, но не имеет к ним доверенности слепой и беззаветной, сличает их с другими источниками и говорит смело, если находит их несправедливыми или сомнительными“, „с отличным успехом занимается изданием древних рукописей, знает как с ними обходиться и любит свое дело“ — См.: Каченовский М. Памятники российской словесности XII века, с. 46, 138.

³³ Григорович И. Опыт о посадниках новгородских. Из древних русских

²⁷ Каченовский М. Памятники российской словесности XII века. Вестник Европы, 1822, № 1, с. 46.

²⁸ Калайдович К. В защиту творений Кирилла, епископа Туровского. Вестник Европы, 1822, ч. СХХII, № 6, с. 99.

Кепенна³⁴, Д. Н. Бантыш-Каменского³⁵, Р. Ф. Тимковского³⁶. Он значительно дополнил их своими материалами, наблюдениями и выводами³⁷.

В июне 1822 года в Старой Рязани был найден клад драгоценных вещей, известие о котором в скором времени появилось в журналах. Для его изучения и обследования места находки туда прибыл Калайдович. К этому времени клад был уже отправлен в Эрмитаж, поэтому историк для его рассмотрения воспользовался опросом местных жителей и рисунками находок, оказавшимися у местного губернатора. Калайдович записал „достойные вероятия“ предания о древней рязанской истории, предположив, что в будущем здесь „можно много открыть достопамятного“, что подтвердилось позднейшими археологическими раскопками. Он же описал и прокомментировал найденные вещи: их вес, размеры, возможное назначение, характер изделий, попытался датировать их.

В книге о рязанских древностях³⁸ Калайдович рассмотрел и вопрос о городищах, ставший предметом оживленного обсуждения в русской исторической науке того времени в связи с работами польского историка З. Я. Доленги-Ходаковского. З. Я. Доленга-Ходаковский, предполагая установить территорию расселения славян в древности, считал городища верным признаком славянского поселения. Он же выделил характерные черты, присущие им. Теория Ходаковского заинтересовала Калайдовича, он часто беседовал и спорил с ним³⁹; собирал сведения

летописей. М., 1821; Он же. Белорусский архив древних грамот. М., 1824.

³⁴ Список русским памятникам, служащим к составлению истории художеств и отечественной палеографии, собранным и объясненным Петром Кеппеном. М., 1822.

³⁵ Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России. М., 1822.

³⁶ Летопись Несторова по древнейшему списку мниха Лаврентия. М., 1824.

³⁷ К публикации Р. Ф. Тимковского Калайдович написал предисловие, П. И. Кеппену представил описание ряда древних рукописей, в работах И. И. Григоровича дополнил список новгородских посадников, уточнил датировку ряда грамот, существенно улучшил принципы передачи текстов документов.

³⁸ Калайдович К. Письма к Алексею Федоровичу Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии с рисунками найденных там в 1822 году древностей. М., 1823.

³⁹ ГПБ, ф. 328, ед. хр. 79, л. 18 об.; см. также дневник М. П. Погодина: СБЛ, Пог.Л, карт. 38, д. 4, л. 376. Ср.:

о городищах по письменным источникам и в своих путешествиях по стране. Возражая Ходаковскому, ученый считал, что установить какую-либо закономерность в местонахождении и внешнем виде городищ трудно, они встречаются и там, где славян не было, равной величины, вида, древности. Оспаривает он и назначение городищ. Если Ходаковский видел в них места религиозного культа, то Калайдович разделяет старую точку зрения, считая их обычными поселениями. „Не оспариваю впрочем, — писал историк, — что места славянских жертвоприношений и культуры были на возвышениях, могли окружаться валами, что в числе городищ найдется несколько таковых мольбищ, но решительно утверждаю, что большую часть оных составляют ограждения городов, селений и крепостей“⁴⁰. Таким образом, Калайдович как осторожный исследователь, выступил против чрезмерной увлеченности Ходаковского доказать идею всеславянской общности в дохристианский период их истории.

В целом начало двадцатых годов прошлого для Калайдовича в работе над основным трудом жизни — исследованием болгарской и древнерусской письменности и творчества болгарского писателя экзарха Иоанна. Обращение историка к этой теме не было случайным. Практически все его творчество с момента открытия в 1813 г. памятников древнеславянской письменности проходило под знаком сбора материалов для задуманного грандиозного исследования. Древняя история славян, к тому времени изученная еще очень слабо, привлекала его на протяжении всей жизни. В России в начале XIX в. интерес к славяноведению только начинал формироваться. Он объясняется и политическими симпатиями к славянским народам, и теми широкими связями, которые установились к тому времени между представителями науки и культуры России, Польши, Чехии, Болгарии. Они играли важную роль в формировании взаимных интересов.

Калайдович хорошо осведомлен о научной жизни в славянских странах. Со многими деятелями славянской науки и культуры он был лично знаком и находился в переписке. В Вильно корреспондентом Калайдовича стал профессор русской литературы и истории Виленского университета И. Н. Лобойко, в Полоцке — преподаватели иезуитской семинарии И. Мореловский и Ю. Залесский, в Орше — И. Горлицкий, в Вене — В. Копитар. Среди его знакомых — сербский ученый

Снегирев И. М. Дневник. М., 1903, Г. 12.

⁴⁰ Калайдович К. Письма к Алексею Федоровичу Малиновскому,

В. С. Караджич, с которым он часто беседовал в 1819 г. во время пребывания того в Москве, профессор права Виленского университета И. Данилович. О работах ученых-славистов Калайдович знал также от тесно связанных с ними Н. П. Румянцева и А. Х. Востокова. П. И. Кеппен, путешествуя в 1822 г. по славянским странам, подробно информировал Калайдовича о занятиях В. С. Караджича, И. Добровского, о славянских письменных памятниках, об отзывах исследователей из этих стран на работы Калайдовича. Он же прислал Калайдовичу „Грамматику“ И. Добровского, замечания его на работу историка об экзархе Иоанне, исследования В. С. Караджича о сербском языке⁴¹. От И. Лобойко Калайдович знал о работе комиссии Н. Н. Новосильцева, расследовавшей деятельность молодежных организаций в Польше и Литве, об отрицательном отношении И. Лобойко к увольнению в связи с этим И. Лелевеля, научных планах польских ученых⁴². Материалами о польской литературе, языке, археологических находках с Калайдовичем делились И. Мореловский и И. И. Горлицин. От лица всех виленских знакомых ученого И. Мореловский писал ему в 1815 г.: „Мы надеемся доставить (Вам) более таковых древностей чрез некоторое время“⁴³.

О достижениях ученых славянских стран Калайдович в свою очередь старался рассказать соотечественникам. Калайдовичу обязан своим появлением в России, осуществленный М. П. Погодиным перевод „Грамматики“ И. Добровского — именно он ходатайствовал за начинающего исследователя перед Н. П. Румянцевым⁴⁴. Он же содействовал публикациям стихотворений И. Морейловского, присоединив к ним благожелательные отзывы⁴⁵.

Калайдович держал в курсе достижений отечественного славяноведения и своих коллег в славянских странах. Для И. Лобойко по просьбе И. Лелевеля он составил библиографическую справку о трех рукописных библиях Синодальной библио-

теки⁴⁶. Через П. И. Кеппена он старался регулярно посылать славянским ученым свои исследования: В. С. Караджичу — статью о Храбре, замечания о псалтыри сербского наречия⁴⁷, в Виленский университет — три экземпляра своего описания библиотеки Ф. А. Толстого⁴⁸, С. Бандтке — исследование об Иване Федорове, описание библиотеки Ф. А. Толстого⁴⁹, В. Копитару — сведения об археологических открытиях в Рязани, замечания о Сборнике Святослава 1073 г.⁵⁰ П. И. Кеппена он просил свою работу о древнем церковном славянском языке „сделать... известною ученым любителям языка славянского“⁵¹.

Многие из славянских исследователей с большим уважением относились к разысканиям Калайдовича. В. С. Караджич отмечал его научные заслуги, особенно издание Сборника Кириши Данилова⁵², М. Бобровский называл историка в числе выдающихся исследователей славянского языка, истории и письменности, а И. Лобойко — основателем славянской палеографии⁵³. О работе Калайдовича над описанием библиотеки Ф. А. Толстого широко информировал польских читателей И. Данилович⁵⁴. Вместе с И. Лелевелем он написал на него положительную рецензию⁵⁵. Положительно были встречены в славянских странах и другие исследования ученого.

Можно предположить, что исследователю не был равнодушен и к современным политическим проблемам славянских народов. Он часто встречался с автором проекта создания славянской федерации В. Н. Каразиным, интересовался известной речью польского ученого Я. Н. Коссаковского, призывавшего искать средства для объединения славянских стран⁵⁶. Открыв неизвестные в ученом мире сочинения современника Кириллы и Мефодия — болгарского писателя экзарха Иоанна, Калайдович видит в них новое доказательство высокого уровня развития и единства славянской культуры в прошлом и счи-

⁴¹ ГПБ, ф. 328, д. 7 лл. 4, 17.

⁴² Б. С. Попков. Польский ученый и революционер Иоахим Лелевель. Русская проблематика и контакты. М., 1974, стр. 18. ГПБ, ф. 328, д. 393, лл. 6—7.

⁴³ Там же, д. 407, л. II. П. Бессонов. Материалы, стр. 59.

⁴⁴ А. Кочубинский. Начальные годы русского славяноведения, стр. 166.

⁴⁵ К. Калайдович. Письмо к редактору (о стихотворениях И. Морейловского). Вестник Европы, ч. LXXII, 1813, № 20, стр. 11—12. Он же. То же. — Там же, 1814, № 24, стр. 303.

⁴⁶ Б. С. Попков. Польский ученый

и революционер Иоахим Лелевель, стр. 15.

⁴⁷ ГПБ, ф. 328, д. 263, лл. 2 об., 8.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же, д. 7, л. 14; д. 263, л. 13.

⁵⁰ ГПБ, ф. 328, д. 19, л. 16, д. 387, л. 2 об.

⁵¹ Там же, д. 7, л. 13 об.

⁵² Вукова переписка. т. 3. Београд, 1907, стр. 29, 107.

⁵³ ГПБ, ф. 328, д. 393, л. 4.

⁵⁴ Б. С. Попков. Польский ученый и революционер Иоахим Лелевель, стр. 53.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ П. Бессонов. Материалы, стр. 59.

тает своим долгом рассказать об этом современникам. Книга об этом завершила десятилетний период разысканий Калайдовича⁵⁷.

„Иоанн экзарх Болгарский“ состоит из пяти глав и приложений (в последних помещены памятники древней славянской письменности). В первой главе Калайдович рассматривает начало славянской письменности, деятельность Кирилла и Мефодия. Исследователь окончательно формулирует вывод, осторожно высказанный им в 1816 г. в критике на работу М. Т. Каченовского: церковный славянский язык, употребляемый в богослужении среди славянских христианских стран, по своему составу, как книжный и мертвый, совершенно отличается от языка теперешних славянских народов. Калайдович отрицает гипотезу И. Добровского о сербском происхождении церковного славянского языка. Пытаясь определить корень славянского языка, общий для всех славян, Калайдович видит его в языке моравов. Во второй главе ученый прослеживает дальнейшую историю славянского языка и литературы. По его мнению, „все доброе, учиненное Мефодием“ перешло в IX в. к болгарам, отразившись в творчестве экзарха Иоанна, современника царя — книголюба Симеона. В третьей, четвертой и пятой главах своего исследования Калайдович разбирает основные труды экзарха, переведшего на славянский язык греческие литургические книги: Богословие Иоанна Дамаскина, Шестоднев и др. Историк заключает, что экзарх Иоанн — один из первых славянских писателей и ученых, заслужил право на бессмертие своей деятельностью по преобразованию славянского языка в язык литературный.

Книга оказалась первым, широко задуманным критическим изданием источников литературы и языка целой исторической эпохи и открыла широкие возможности для ее изучения. Только в приложении было помещено пятнадцать произведений русской и славянской письменности со всеми имевшимися вариантами по спискам библиотек Толстого, Румянцева, Синодальной, Волоколамского монастыря, МАКИД. Свою публикацию историк рассматривал как „богатый запас для филологов“ и палеографов. Древнейшие тексты изданы с возможной точностью,

⁵⁷ Иоанн экзарх Болгарский. Исследование, объясняющее историю словенского языка и литературы IX и X столетий. Написано Константином Калайдовичем, главным смотрителем Комиссии печатания государственных грамот и договоров. М., 1824.

с сохранением правописания, титл, надстрочных знаков, знаков ударения и препинания. Это была вершина археографического и палеографического мастерства Калайдовича. Попутно в книге затрагивается ряд исторических, литературных, палеографических вопросов. В обширных примечаниях сообщалась масса совершенно новых сведений; впервые в литературе осуществлено описание десятков рукописей.

И в России, и в славянских странах книга Калайдовича вызвала широкое обсуждение⁵⁸. Новизна, важность и трудность темы, впервые поставленной русским исследователем, за сто с лишним лет после этого породили многочисленную литературу, где, как справедливо отметил в свое время Г. Виноградов, речь идет „обычно не об антитезах, которые бы представлялись последующими исследователями прежних вопросов, а лишь о дополнениях к исследованию автора (Калайдовича — В. К.) и о продолжении“⁵⁹.

Широкое открытие новых источников в первой трети XIX в. ставило вопрос их упорядочения, издания и информации о них исследователей. Уже научная практика XVIII столетия показала необходимость создания специальных справочников — описаний или каталогов хранилищ. В начале XIX века делались попытки описания в основном частных рукописных собраний, попытки, оказавшиеся не совсем удачными из-за низкой квалификации исполнителей и отсутствия научно разработанной методики такого вида работ. Важность разработки этого вопроса хорошо понимал Калайдович. Отмечая в 1825 году успехи исторической науки, он писал: „И каких еще должно сделать открытий, когда многочисленные книгохранилища, на пространстве нашей империи рассеянные, будут ученым образом исследованные и описаны“⁶⁰ Свой опыт в деле описания исторических источников, в особенности рукописных книг, исследователь воплотил в описании одной из крупнейших в то время в России частных коллекций — библиотеки Ф. А. Толстого.

⁵⁸ Обстоятельный свод откликов современников на работу исследователя дан в книгах: Кочубинский А. Начальные годы русского славяноведения, с. 154—158.

⁵⁹ Виноградов Г. Первый русский болгарист. Сборник въ честь на проф. Л. Милетичъ за седемдесет годишнина от рождението му. София. 1933, с. 621.

⁶⁰ Калайдович К. Иоанн экзарх болгарский, с. 187.

Библиотека насчитывала более тысячи рукописей. К работе над ее описанием исследователь приступил вместе с П. М. Строевым в 1818 году. Вышедшая книга ввела в научный оборот сотни неизвестных ранее произведений славянской письменности⁶¹. Она не потеряла своей ценности и в настоящее время: рукописи описывались в соответствии с поформатным хранением их в библиотеке, указывалось „вещество“ (пергамент, бумага и их качество), почерк, время создания, имя писца, число листов, предлагалась „постатейная роспись“, если рукопись составляли различные произведения. В написанном Калайдовичем предисловии предлагалась классификация состава библиотеки, давалась характеристика летописей, хронографов, житий святых и других источников, впервые в литературе излагалась методика описания. „Обстоятельное описание“ превратилось таким образом не только в ценнейший справочник по рукописной книге, но долгие годы служило методическим образцом для такого рода работ⁶². Успех выхода этой книги исследователя был несомненен⁶³. В значительной мере под влиянием восторженных оценок современников Румянцев согласился в 1825 году финансировать давнее предложение Калайдовича провести аналогичную работу с рукописями другого не менее известного московского хранилища — Синодальной библиотеки. Разработав еще более обширный план, Калайдович энергично взялся за его претворение⁶⁴.

Казалось, что будущее сулит исследователю новые открытия. Он уже признанный ученый, сравнительно молодой, имеющий немало „припасов“ для исполнения своих замыслов. Университетские студенты считают большим счастьем познако-

миться с ним, мечтают видеть его на университетской кафедре с лекциями по русской истории⁶⁵. Но 1825 год оказался рубежом и в научной деятельности, и в личной жизни исследователя. После 1825 года историк практически прекращает свою научную работу. В 1826 году умер Румянцев, основной финансист всех начинаний Калайдовича, в результате чего прекратилась работа по описанию Синодальной библиотеки⁶⁶. С целью поправки своего материального положения историк предпринимает попытку издания историко-литературного и библиографического журнала „Русский зритель“, к участию в котором привлекает популярных поэтов и писателей П. А. Вяземского, Дениса Давыдова, В. А. Жуковского, приглашает А. С. Пушкина. В нем же он публикует и свои собственные литературные и исторические сочинения⁶⁷. В 1827 году Калайдович получает место смотрителя Глебовского подворья и хотя еще числился при МАКИД, фактически в работе Комиссии печатания государственных грамот и договоров не участвовал. В апреле 1825 года он был отчислен из архива и вновь помещен в дом умалишенных, где пробыл до 1829 года. Болезнь решила и судьбу журнала. Сам Калайдович сумел подготовить только два его номера, положительно встреченные в русской критике. Остальное время журнал (вплоть до 1830 года) готовили и издавали друзья историка.

„Умственная болезнь“ Калайдовича разрушила его здоровье, но и больным он не терял надежды вернуться к любимым занятиям. „Умирает, а говорит еще о литературе“, — писал в своем дневнике в апреле 1832 года часто навещавший его Погодин⁶⁸. Умер Калайдович 17 апреля 1832 года.

„Собираю рассеянное, открываю незнание“, — так можно определить пафос жизни и творчества этого скромного „любителя древностей“, деятельность которого тем не менее не стала закрытой лучами славы его выдающихся современников. С именем Калайдовича связана постановка и в ряде случаев решение многих проблем: история книгопечатания, история древней славянской литературы, письменности,

⁶¹ Калайдович К. и Строев П. Обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве, в библиотеке тайного советника сенатора и кавалера графа Федора Андреевича Толстого. М., 1825.

⁶² Подробнее см.: Козлов В. П. Роль К. Ф. Калайдовича в развитии методов научного описания исторических источников в первой трети XIX века. Советские архивы, 1975, № 2, с. 54.

⁶³ См., напр. Московский телеграф, 1825, ч. 3, с. 78.

⁶⁴ Козлов В. П. Роль К. Ф. Калайдовича в развитии методов научного описания исторических источников в первой трети XIX века, с. 54.

⁶⁵ ГБЛ, Пог./I, карт. 38, д. 4, л. 366.

⁶⁶ Часть его работы хранится в ГБЛ (ф. 310, карт. 1412).

⁶⁷ Калугин Ив. Указатель статей, помещенный в „Русском зрителе, журнале истории, археологии, словесности и сравнительных костюмов“. Вестник ОИДР. кн. 24. М., 1856.

⁶⁸ Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. т. IV. СПб, 1891, с. 31.

фольклора, разработка вопросов источникововедения, дипломатики, палеографии. Новым задачам исторической науки была подчинена и археографическая деятельность Калайдовича, выразившаяся в собирании, описании и издании исторических источников. В его лице собирательство превращается в науку, описания и изда-

ния, выполненные на уровне, соответствующем не только требованиям первой трети XIX века, но и в наше время частично не потерявшие своего значения, ввели большое количество новых источников. Все это обеспечивает почетное место Калайдовичу в поступательном развитии русской исторической науки.